

Людмила Сауленко

Возвращение к «Святому Луке»

Адриан ван дер Верф. «Снятие с креста»

«Habent liberi sua fatum» – «книги имеют свою судьбу», утверждали древние. Можно смело утверждать: и картины тоже. У каждой из них свой фатум, своя история, своя предыстория. Оказавшись в некий счастливый (именно счастливый – утверждаю со всей ответственностью) момент своего бытия в музейном собрании, картина обретает новое качество: она становится экспонатом. А стать экспонатом означает внесение в книги учета, фиксацию в раз и навсегда утвержденных документах, которые требуют однозначных ответов

на задаваемые каждому «постоянному жильцу» музея вопросы. Вопросы эти составляют нечто вроде приснопамятного личного листка по учету кадров, где не может быть утаена никакая информация, кою должно подтвердить документально. Когда и где родилось произведение, кто «родитель» (автор), а главное – как складывалась его дальнейшая судьба до поступления в коллекцию музея. Каждая информационная лакуна таит угрозу: а вдруг в этот период с произведением что-то произошло?! Что именно? Да что угодно, вплоть до замены подделкой, а чаще всего – по-

тери имени автора, прежнего названия, предыдущей истории бытования. Недаром Поль Валери назвал когда-то произведения искусства брошенными детьми, у которых умерла мать.

Среди самых известных произведений коллекции Одесского музея западного и восточного искусства всем известны «Святой Лука» и «Святой Матфей» кисти великого голландского живописца XVII века Франса Хальса. Блистательная техника *a la prima*, предвещающая открытия импрессионистов, новаторская трансформация жанров (религиозного жанра в бытовой, а бытового в портретный) – все это открытия Хальса, оцененные гораздо позже. Но о них легко можно узнать из любого учебника по истории искусств, а о судьбе «одесских Хальсов» прочесть в путеводителе по музею. Путеводители, заметим, отличаются тем, что им, с точки зрения музейного зрителя, известно о произведении все (а что сверх того, то уже от лукавого). Любой путеводитель ОМЗиВИ поведает вам, что картины Хальса попали в нашу коллекцию из Музейного фонда, а в него были переданы в первые советские годы из какой-то церкви на юге бывшей Российской империи. Экскурсовод непременно добавит к этому увлекательный рассказ о том, как в начале 60-х годов прошлого века ленинградский искусствовед, сотрудница Государственного Эрмитажа Ирина Линник обнаружила в эрмитажном рукописном музейном каталоге XVIII века сведения об этих картинах. Оказывается, они были когда-то приобретены на аукционе в Голландии, отправлены в Россию, поступили в Эрмитаж, а оттуда по приказанию императора были отосланы в Новороссию «для украшения католических храмов Херсонской епархии».

Казалось бы, сведения исчерпывающи... но только на первый взгляд. Как и когда картины были отправлены в наши края? Сколько их было – четыре, как указано в каталоге, или же в той «высочайшей посылке» были еще какие-то произведения? Как сложилась их судьба? Картин Хальса четыре, две из них ныне в Одессе. «Святой Марк» предлагается к продаже в Германии, «Святой Иоанн» ныне собственность музея в Лос-Анджелесе. А если в той эрмитажной «посылке» были и другие произведения, не попали ли и они в коллекцию нашего музея? Вопросов много, но ответов на них, увы, нет...

Однако бывают в музейной жизни неожиданные подарки судьбы. Минувший год прошел для меня под знаком архива. Много часов, и замечательно полезных и увлекательных часов, провела я в Одесском областном архиве, что на улице Жуковского. Красивое здание бывшей синагоги в угрожающем состоянии, теснота, многолетние надежды на переезд в более подходящее помещение (пока осуществившиеся лишь частично) – это все наши привычные суровые будни, одинаковые у архива и музея. Но как квалифицированы и внимательны архивисты (молодые! образованные!), какая замечательная Лилия Григорьевна Белоусова, заместитель директора по научной работе, чьей обширной эрудицией я пользуюсь не первый год. Спасибо им сердечное за те крупницы истины, которые удалось выловить и тем самым прояснить некоторые темные места в истории нашей коллекции.

Просматривая путеводители по архивным фондам, всегда отмечаешь, где может быть хоть что-то важное для тебя, хоть какой-то штришок к разыскиваемой информации. Дошла у меня очередь и до фонда 93, опись 1, дело 167 «Одесское общество истории и древностей», 1812 год. Привожу текст (публикуется впервые):

«Милостивый государь мой Эммануил Осипович!

По высочайшему его императорского величества соизволению отпущены в новороссийские католические церкви под расписку визитатора – каноника Николь из Эрмитажа тридцать икон <...>

Извещая о сем Ваше превосходительство и прилагая два реестра отпущенным иконам и материям, я прошу покорнейше Вас, милостивый государь мой, по доставлении вещей сих не оставить меня уведомлением.

Честь имею быть с исполненным почтением Вашего превосходительства покорнейший слуга князь Александр Голицын С.П.бург

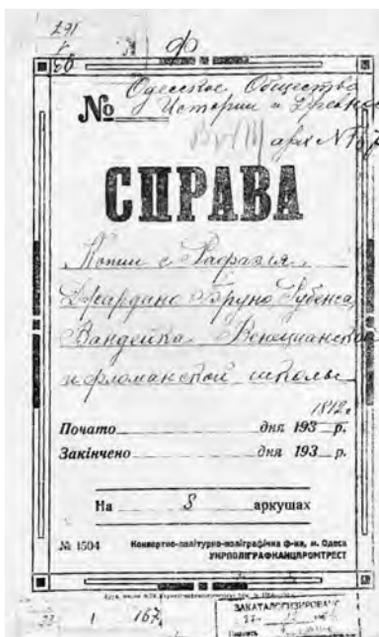
№ 231 апреля 13 дня 1812

Его превосходит. е. о. Дюку де Ришелье».

На следующем листе заглавие «Реестр картинам, (отправляемым? – утрачено) государем императором в католические церкви, что в Новороссийских колониях» и названия тридцати

произведений. В большинстве указаны инвентарные номера эрмитажного каталога, материал, техника, проставлены размеры в аршинах и вершках. В том списке и четыре картины Хальса. Номера, легко читаемые на них, – это номера каталога Миниха. В документе упомянуты князь Голицын – главноуправляющий делами иностранных вероисповеданий и каноник Доминик Шарль Николь. Обратим внимание на последнего. Д.Ш. Николь (1758-1875) – аббат, директор Ришельевского лицея, с 1811 года визитатор римско-католических приходов Новороссийского края, то есть лицо, уполномоченное инспектировать означенные приходы, сподвижник и confident герцога Ришелье, инициатор преобразования Одесского благородного института в лицей (сведения из книги Олега Губаря «Автографы Одессы», с. 270.). Каноник Николь покинул Одессу в начале 1820 года в связи с запретом функционирования ордена иезуитов в России. Он получил назначение ректором Парижской академии, был духовником короля Карла X. Николь оставил след в истории одесского книгоиздательского дела: первой вышедшей в молодом городе Одессе книгой считается «Начертание правил воспитания в обоих одесских благородных институтах», напечатанная в Одессе в 1814 году, подготовил это издание аббат Николь.

Но вернемся к архивному документу из фонда Одесского общества истории и древностей. Какие имена в том списке! В нем значатся кроме картин Хальса еще и копии с Рафаэля, Рубенса, Ван Дейка, «Венецианской и фломанской (так!) школ». Значится, правда, среди них и некий «Джордано Бруно» – явно писарь так трансформировал Луку Джордано, уж простим ему невежество и рассеянность. Этот список, составленный в начале XIX века, является еще и документом, повествующим о вкусах эпохи. Из царской коллекции (а Эрмитаж был частной коллекцией императорского дома, находился в ведении министерства двора) отобраны для отправки в провинцию копии с великих мастеров и оригиналы, считающиеся работами менее ценными. Значит, Франс Хальс в начале позапрошлого века не входил в категорию великих, и одесский список об этом прямо свидетельствует. Попутно спросим себя: а кто же из голландцев, судя по списку, числился тогда в России великим? В списке всего одна копия с голландского

Архивное дело со списком работ, переданных в Одессу

художника. К сожалению, инвентарный номер не указан (возможно, в хранительских документах Эрмитажа эта работа не значилась, как и еще 8 из списка). Кто же он, голландский живописец, достойный чести быть скопированным в одном ряду с Рафаэлем и Ван Дейком? Боюсь, что даже любитель старой европейской живописи не сразу вспомнит это имя. Сегодня он померк не только рядом с Рембрандтом, но и с Хальсом. Адриан ван дер Верф, голландский живописец, родился в 1654 г., умер в 1722. Блестящий академик, высоко ценимый в восемнадцатом и девятнадцатом веке, – только в коллекции Императорского Эрмитажа было три (!) его картины «Положение во гроб». Мастер, несчетное

количество раз копированный как истинный пример для академических штудий. Вот почему его работа оказалась в столь престижном соседстве.

Впрочем, блистать ван дер Верфу осталось недолго (в масштабах истории, конечно). Ровно через 90 лет в путеводителе «Картинная галерея Императорского Эрмитажа с объяснительным текстом П.В. Делярова», изд. М.О. Вольфа, СПб., 1902 г., на странице 170 читаем о голландской живописи конца XVII – начала XVIII века следующее: «Шаловливая муза Браувера, Адриана ванн Остаде и Стэна попала из веселого уютного кабачка в скучную академию ван дер Верфа и собратий и умерла в ней... от холода и скуки». Новые времена, новые кумиры открылись в голландской живописи двадцатому веку, и он отвернулся

от академического любимца века девятнадцатого, так прилежно копировавшего этого мастера. Одна из копий с его «Положения во гроб» есть и в Одесском музее западного и восточного искусства (см. фото). Живопись маслом на металле (медная доска) сохранилась с утратами, но профессиональный уровень оригинала копия предает, и никак не скажешь, что это «с живой картины список бледный». В музейной документации сведения о картине однозначны: копия с Адриана ван дер Верфа, «Положение во гроб». Однако в списке Голицына тоже указана копия с картины ван дер Верфа с таким же названием (полностью – «Положение во гроб тела Иисусова». Размер картины 14 вершков шириной на 11,5 вершков. В переводе в сантиметры это равняется 62×51 см (погрешность в пределах 1 см). Одесская картина по записи в инвентарной книге имеет размеры 64×51,3 см. Не слишком ли много совпадений? Тот же автор оригинала, тот же сюжет и название, разница лишь в 2 см по одной стороне. Неужели в самом деле нам досталась картина из того самого «списка Голицына», где впервые значатся как перевозимые из Эрмитажа на юг «Святой Лука» и «Святой Матфей» Франса Хальса? Формальных совпадений слишком много, чтобы с ходу отбросить эту версию. Может быть, ее когда-нибудь прояснят архивы Эрмитажа, документы 1812 года. Ведь именно список, составленный в 1812 году, позволил нам получить дополнительные сведения о том, как у нас оказался прославленный ныне «Святой Лука». Значит, надо искать, искать, искать – и да здравствуют архивы!

